

Л. Деловарова* , А. Ермеков

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы
*e-mail: leila9delo@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА С США В АТР: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ И ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ

Данная статья рассматривает формат и динамику стратегических отношений между США и Китаем в контексте стратегии Индо-Тихоокеанского региона. Отношения между двумя странами стали важным и центральным элементом системы современной международной безопасности. Геополитический подъем Китая, как глобальной сверхдержавы, вызвал стратегический отклик со стороны США. Китай, в рамках формируемой многополярной системы, стремится сформировать международный порядок, который является альтернативным американской системе международных институтов. В данном отношении, в рамках возросшей политики соперничества держав, глобальная геополитическая стратегия США не может не игнорировать изменяющийся статус Китая как региональной державы, переходящей на статус глобального, гегемонистского уровня. Соответственно, это требует выработки определенной внешнеполитической линии по отношению к Китаю, в частности, и региону АТР, в целом. Восхождение Китая и укрепление его военной мощи стали необратимым объектом секьюритизации со стороны США и его региональных союзников и партнеров. Администрация Трампа приняла доктрину свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, которая определяет Китай как ревизионистскую силу, и, соответственно, исходя из данного определения, выстраивается общая стратегическая линия США. Логика реализма заставила стороны принять в своих внешнеполитических расчетах игру баланса сил, где стороны действуют на сдерживание друг друга. Несмотря на попытки США по сдерживанию Китая, Индо-Тихоокеанская стратегия Китая носит неоднозначный характер. Китай осознает свои стратегические лимиты в АТР, и поэтому избрал иную стратегию. Под воздействием логики политического реализма формат отношений между Китаем и США перешел из партнерства на уровень соперничества, что и определяет современные стратегические нарративы между двумя странами.

Ключевые слова: США, Китай, Азиатско-Тихоокеанский регион, ребалансирование, военная безопасность, дипломатия, Индия, Япония.

L. Delovarova*, A. Yermekov

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
*e-mail: leila9delo@gmail.com

Some aspects of China`s foreign policy securitization through the prism of geopolitical rivalry with the United States in the Asia-Pacific Region: main aspects and dynamics of relations

This article examines the format and dynamics of the strategic relationship between the United States and China, in the context of the Indo-Pacific strategy. Relations between the two countries have become an important and central element of the modern international security system. China`s geopolitical rise as a global superpower has generated a strategic response from the United States. China, within the framework of the emerging multipolar system, seeks to form an international order that is alternative to the American-led. In this regard, within the framework of the increased policy of rivalry between powers, the global geopolitical strategy of the United States focuses on China`s changing status as a regional power transforming to the status of a global, hegemonic stage. Appropriately, this requires the development of specific foreign policy narratives in relation to China, in particular, and the Asia-Pacific, in general. The rise of China and the strengthening of its military power has become an irreversible object of securitization by the United States and its regional allies and partners. The Trump administration has adopted the doctrine of a free and open Indo-Pacific region, which defines China as a revisionist power, and accordingly, based on this definition, a common US strategic line is built. The logic of realism

forced the parties to accept the balance of power in their foreign policy calculations, where the parties act to restrain each other. Despite US efforts to contain China, China's Indo-Pacific strategy is ambiguous. China is aware of its strategic limits within the Asia-Pacific, and therefore has chosen a different strategy. Under the influence of the logic of political realism, the format of relations between China and the United States moved from partnership to the stage of rivalry, which determines the modern strategic narratives between the two countries.

Key words: USA, China, Asia-Pacific region, rebalancing, military security, diplomacy, India, Japan.

Л. Деловарова*, Ә. Ермеков

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: leila9delo@gmail.com

Қытайдың сыртқы саясатын АҚШ-пен геосаяси бәсекелестік призмасы арқылы секьюритизацияның кейбір аспектілері: қатынастардың негізгі аспектілері мен динамикасы

Бұл мақалада Үнді-Тынық мұхиты стратегиясы аясында АҚШ пен Қытай арасындағы стратегиялық қатынастардың форматы мен динамикасы қарастырылады. Екі ел арасындағы қарым-қатынастар қазіргі заманғы халықаралық қауіпсіздік жүйесінің маңызды және орталық элементіне айналды. Қытайдың жаһандық бәсекелестік жағдайға қабілетті ел ретінде геосаяси тұрғысынан өсуі АҚШ-тың стратегиялық реакциясын тудырды. Қытай, қалыптасып келе жатқан көпполярлы жүйе шеңберінде, америкалық халықаралық институттар жүйесіне балама болатын халықаралық тәртіпті қалыптастыруға тырысады. Осыған орай бәсекелес ел арасындағы саясатының күшеюі аясында АҚШ-тың жаһандық геосаяси стратегиясы Қытайдың әлемдік, гегемониялық деңгейге ауысқан аймақтық бәсекелестік жағдайға қабілетті ел ретіндегі өзгеріп отырған мәртебесін ескермеуге болмайды. Атап айтқанда, Қытайға Азия-Тынық мұхит аймағына қатысты нақты сыртқы саяси бағытты дамытуды қажет етеді. Қытайдың әскери күшінің нығаюы АҚШ пен оның аймақтық одақтастары мен серіктестерінің секьюритизацияның басты объектісіне айналды. Трамп әкімшілігі Қытайды ревизионистік күш ретінде анықтайтын Үнді-Тынық мұхиты аймағының еркін және ашық доктринасын қабылдады және сәйкесінше осы анықтамаға сүйене отырып, Америка Құрама Штаттарына ортақ стратегиялық бағыт орнатты. Реалистік жағынан қарағанда сыртқы саяси есептеулерде екі жақ бірін-бірі тепе-теңдік жағынан тежеуге тырысады. АҚШ-тың Қытайды тежегеніне қарамастан, Үнді-Тынық мұхиты стратегиясы Қытайға қарсылық танытпауда. Қытай Азия-Тынық мұхит аймағындағы стратегиялық шектеуге қарай, басқа стратегияны таңдады. Саяси реалистік ұғымның әсерінен Қытай мен АҚШ арасындағы қарым-қатынастар негізі серіктестіктен бәсекелестік деңгейде екі ел арасындағы заманауи стратегиялық жағдайды қарастырады.

Түйін сөздер: АҚШ, Қытай, Азия-Тынық мұхиты, теңгерімдеу, әскери қауіпсіздік, дипломатия, Үндістан, Жапония.

Введение

Китайско-американское соперничество стало центральным элементом современных процессов в области международной безопасности. Зона обширного Индо-Тихоокеанского региона становится ареной соперничества между ведущими державами. Геополитический подъем Китая, безусловно, стал объектом долгосрочной американской стратегии, первоначально в АТР, а затем и на глобальном уровне. Соединенные Штаты формируют систему альянсов и институтов в рамках доктрины Индо-Тихоокеанского региона, целью которой является сдерживание военно-политической активности Китая, и осуществление давления на региональную политику Пекина. Китай, в свою очередь, прорабатывает свою стратегию и принимает в расчет свой геополитический потенциал для соперничества с США.

Динамика соперничества двух ведущих государств происходит в условиях формирования многополярной системы международных отношений. Очевидно, что участники в рамках системы региональной безопасности в АТР имеют свои перспективы и видение секьюритизации своей национальной и стратегической политики по отношению к Китаю, и, разумеется, процесс секьюритизации зависит от уровня национальной мощи участников в рамках регионального процесса. Отмечая вышеупомянутые тренды, можно отметить, что уровень секьюритизации для США будет отличаться от Японии, Индии или малых государств АСЕАН.

Помимо этого, последние события отобрали тенденцию глобализации китайско-американского соперничества, что, в любом случае, подчеркивает статус Китая как восходящей державы, способной формировать альтернативный мировой порядок. Исходя из данной аксиомы,

теперь внешнеполитический расчет Вашингтона строится на необходимости выработки и принятия новой внешнеполитической доктрины, отвечающей особенностям новой динамики отношений. Поэтому в данных условиях актуализируется значимость Индо-Тихоокеанского региона, как зоны, где генерируются тренды современной международной безопасности.

Проблема исследования

На данный момент Индо-Тихоокеанский регион генерирует основные тренды безопасности. Геополитический подъем Китая коренным образом изменил региональный расклад сил. Военная модернизация НОАК и растущая наступательная политика КНР в отношении территориально-морских споров, а также преобразование китайской политики на глобальном уровне повлияли на формат системы региональной безопасности. Характеристики безопасности региона выделяются преимущественно государственными конфликтами. Геополитическая логика развития региона и системы региональной безопасности вписывается в логику политического реализма, где выделяется гегемон. По утверждению ряда экспертов, формирование Китая, как гегемона формирует дилемму безопасности, где Китай становится объектом секьюритизации его соседей. Линия приоритетов США, в отношении АТР и Китая, в частности носит несколько иной характер. США как гегемон стремятся сдерживать формирование альтернативного миропорядка, ведь Китай накопил значительный геополитический потенциал, который он может уже проецировать. Поэтому параметры региональной безопасности в АТР измеряются двумя факторами:

Стремление соседей Китая обезопасить себя от наступательных возможностей НОАК, и либо сдерживание или подстраивание в отношении Китая;

Стремление США сдерживать формирование альтернативного миропорядка, где АТР будет выступать базой для сдерживания либо вовлечения Китая в американскую региональную стратегию.

В целом параметры безопасности АТР представлены рядом факторов, где Китай занимает центральное положение. Помимо Китая, здесь немаловажную роль играет и КНДР, а также Россия. Политика вокруг северокорейской ядерной программы также косвенным образом затрагивает и вопросы безопасности Китая, где приоритетом Пекина будет являться стремление сохра-

нить буферный режим на полуострове. Другой фактор – это фактор России, который вписывается в общую логику российско-американского соперничества в посткрымский период.

Цели и задача исследования. Рассмотреть формат и динамику китайско-американских отношений в контексте стратегии Индо-Тихоокеанского региона.

Методология исследования

Исследование данной статьи базируется на идеях политического реализма, а именно наступательного реализма Миршаймера. Наступательный реализм утверждает, что основным смыслом государства на международной арене является выживание, и поэтому государства будут стремиться к расширению своего влияния, так как не существует наднациональных органов, которые могут остановить войну между государствами. Формат отношений между Китаем и США строится по принципу наступательного реализма.

Актуальность системы региональной безопасности заключается в том, что Китай может тестировать свой качественно обновленные вооруженные силы, и поэтому военный компонент занимает центральное положение в контексте региональной безопасности. Помимо всего прочего, Азиатско-Тихоокеанский регион включает в себя и Индию, что привело к обозначению региона, как Индо-Тихоокеанского, который отображает геополитическую реальность современного периода и значимости Индии, как полноценного регионального актора.

Результаты и обсуждение

Военная модернизация НОАК и дилемма безопасности в Восточной Азии

Армия Китая, в новых стратегических условиях, прошла ряд преобразований. Сейчас военная модернизация НОАК является объектом национальной безопасности соседей Китая в обширном Индо-Тихоокеанском регионе (Hughes, 2012). Новые задачи НОАК определяют не только стандартную миссию защиты суверенитета страны и ее территориальной целостности, но и выполнение новых задач, в рамках логики геостратегического подъема КНР как державы мирового класса.

Существенным элементом эволюции китайской внешней политики представляется модернизация вооруженных сил КНР, увеличение качественного состава НОАК (Народно-Осво-

бодительная Армия Китая) и рост возможностей проецирования глобальной мощи, которая, безусловно, меняет стратегический баланс в регионе.

Доктринально, принято считать 2003/2004 гг. началом процесса развития Вооружённых Сил Китая в новых стратегических условиях. Бывший председатель КПК Ху Цзиньтао объявил о «Новой исторической миссии НОАК», что стало официальной доктриной касательно модернизации ВС НОАК в условиях после окончания холодной войны. В рамках данной концепции были указаны следующие стратегические нарративы:

НОАК будет способствовать сохранению внутренней стабильности;

НОАК будет способствовать сохранению территориальной целостности и суверенитета страны;

Для НОАК становится актуальной защита расширяющихся национальных интересов (Kamphausen, 2012).

Третий пункт является центральным элементом в определении современной стратегической линии развития НОАК. Как было отмечено выше, в контексте геополитического подъема Китая армия Китая приобретает новые функции, и соответственно, выполнение задач и целей выходит на новый, глобальный уровень. На данный момент, в рамках вопросов обороны, наиболее приоритетными районами для стратегической безопасности КНР выступают Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, регион Индийского океана, Африка и Центральная Азия. Специфика безопасности в обширном Индо-Тихоокеанском регионе определяется аспектами военной безопасности в противостоянии с США и их союзниками, в Центральной Азии и Африке, в защите национальных экономических интересов.

Приоритет в развитии современных вооружённых сил Китая, опирается на три основных рода войск:

Военно-морские силы;

Военно-воздушные силы;

Ракетно-ядерные силы.

Развитие данного вида войск в большей степени определяется основной линией приоритета в обеспечении национальной безопасности страны. Как отмечают западные эксперты, в период холодной войны, во время советско-китайского противостояния основной вопрос национальной безопасности и обороны находился в советско-китайской пограничной линии. Сейчас Китай расширяет свое политическое и экономическое

влияние в АТР, где специфика безопасности в немалой степени определяется географическим фактором, тиранией расстояния (Kamphausen, 2012).

Основные параметры безопасности в АТР, с китайских приоритетов, определяются тремя существенными компонентами: первое – Пекин стремится решить тайваньский вопрос, где военная сила играет немаловажную роль, от психологического сдерживания до потенциального военного применения; второе, Китай вовлечен в территориальные конфликты со своими соседями в Восточно-Китайском, Южно-Китайском морях с рядом государств; помимо этого, регион Индийского океана стал играть важную роль в обеспечении экономической безопасности страны, где сформировались значимые морские коммуникации. Возросшая военная активность ВМФ НОАК не может не беспокоить Индию, учитывая союзнические отношения Китая и Пакистана.

На данный момент, Китай ставит своим приоритетом развитие ВМФ и ВВС и применение РСМД (ракеты меньшей и средней дальности), развивается в рамках данной стратегии. НОАК в первую очередь, учитывает стратегический и политический контекст, в котором силы НОАК могут принимать участие. Стратегическое значение в данном случае означает технологические и политические факторы. Доктринальная основа нынешней НОАК – это «война в условиях информатизации» принимает во внимание пару важных аспектов: 1) технологический и 2) военно-политический/стратегический. Технологический фактор основывается на принципе ведения сетевой и сетецентричной войны, что дает импульс развитию китайских ИТ-технологий. Военно-политический/стратегический фактор учитывает специфику современной войны, в первую очередь, в ее политическом контексте. Так, согласно американским специалистам, Китай принял стратегию A2/AD (anti-access/area-denial), которая должна сдерживать гипотетическое вторжение США и их союзников в территориальных водах Китая, естественно, учитывая и географические особенности региона (Glaser, 2015).

ВМФ Китая обладает более чем 300 надводными кораблями, подводными лодками, десантными кораблями, патрульными катерами со специализированными задачами. Силы ВМФ НОАК представлены современным противокорабельным, противовоздушным и противолодочным вооружением и сенсорами. Эта модернизация согласуется с растущим акцентом Китая

на морской сфере и растущими требованиями к PLAN для выполнения оперативных задач на увеличивающихся расстояниях от материковой части Китая с использованием многоцелевых, устойчивых военно-морских платформ большой дальности, обладающих надежными возможностями самообороны.

В плане стратегических вооружений, ВМФ НОАК эксплуатирует четыре атомные подводные лодки с баллистическими ракетами (ПЛАРБ), шесть ударных подводных лодок с атомными двигателями (ПЛА) и 50 ударных подводных лодок с обычными двигателями (SS). По расчетам некоторых аналитиков, количество подводных лодок к 2020 г. будет измеряться в количестве 65-70, что, безусловно, повлияет на систему региональной безопасности.

В рамках системы региональной безопасности в АТР стало очевидным, что развитием Китаем различного класса ракет меньшей и средней дальности, крылатых ракет, а также гиперзвуковых систем меняет стратегический баланс в регионе. Так, в 2014 г. Китай подтвердил наличие у него некоторого числа ракет средней дальности DF-26С (дальность 3 500 км), так называемых «убийц Гуама». На наземных пусковых установках с 2007 г. развернуто от 40 до 55 крылатых ракет CJ-10 с дальностью 1 500 км, общий арсенал которых оценивается в 500 единиц, они могут запускаться с бомбардировщика Н-6К, а в перспективе с надводных кораблей и подводных лодок. Своеобразным оружием сдерживания может служить противокорабельная баллистическая ракета DF-21D, способная поразить обычной маневрирующей боевой частью подвижную надводную индивидуальную цель на расстоянии до 1 500 км (Secretary of Defense, 2019).

Развитие Китаем ракетно-ядерного потенциала класса ракет средней и меньшей дальности преследует две стратегические цели: 1) это процесс естественной модернизации НОАК в новых технологических условиях; и 2) охват обширной территорий АТР, где располагается сеть американской военной инфраструктуры. Таким образом, поражение американской военной инфраструктуры становится важной задачей НОАК в современных условиях.

Как было указано выше, основной особенностью ракетно-ядерных сил НОАК является приверженность стратегии «минимального сдерживания», где Пекин обосновывает свою позицию наличием ограниченного количества ядерных боезарядов, но, тем не менее, НОАК активно модернизирует класс ракет меньшей и средней

дальности, поэтому в этих условиях формируется неясная и, можно сказать, аморфная среда для адаптации СЯС Китая в системе ВГУ, где Китай обладает незначительным количеством ядерных боезарядов, но обладает всеми средствами доставки ЯО (Легволд, 2017).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ВС НОАК адаптируют свою стратегию в новых геополитических/военно-политических и стратегических реалиях. Ошибочным является мнение сторонников китайского экспансионизма о тотальности ведения войны Китаем, в гипотетическом плане, как против России, так и против США. Китайская военная стратегия в целом адаптирована по определенным регионам, или стратегическим областям, где НОАК может принимать участие в боевых действиях.

Военное измерение доктрины Индо-Тихоокеанского региона

Несмотря на то, что официальные лица Вашингтона утверждают, что военное измерение американской региональной стратегии не занимает центральное положение, но, тем не менее, именно модернизация, а также качественное и количественное изменение вооруженных сил США лежит в основе региональной стратегии и ее основных императивов. С геополитической точки зрения, учитывая окончание периода однополярного момента и начала многополярной системы, изменилась и общая стратегия вооруженных сил США, политика противостояния с крупными державами стала задавать тон в выработке военно-стратегических приоритетов (Истомин, 2019).

Военное измерение доктрины «Ребалансирования» и свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона также не являются исключением, и тоже свидетельствуют о переменах в восприятии и трансформации американских военно-стратегических императивах. Так, в доктрине от «Ребалансирования» от 2012 г., перед ВС США ставятся следующие задачи:

Сдержат и победит агрессию

Вооруженные силы США должны быть способны сдерживать и отражать агрессию любого потенциального противника. Достоверное сдерживание является результатом как способности лишить агрессора перспективы достижения его целей, так и дополнительной способности налаживать на агрессора неприемлемые издержки.

Наше планирование предусматривает достигнуть таких сил, которые будут способны полностью сломить агрессивные цели государства в одном регионе, проводя объединенную кампанию вооружений во всех областях – на суше, в

воздухе, на море, в космосе и в киберпространстве. Это включает в себя возможность обеспечить безопасность территории и населения и облегчить переход к стабильному управлению в небольших масштабах в течение ограниченного периода времени с использованием постоянных сил и, при необходимости, в течение длительного периода с использованием мобилизованных сил (Department of Defense, 2012).

Проецирование силы, несмотря на ограничение и восприятие доступа и маневра (A2/AD):

Чтобы надежно сдерживать потенциальных противников и чтобы помешать им достичь своих целей, Соединенные Штаты должны достигнуть возможности проецировать мощь в тех местах, где наш доступ и свобода подвергаются вызову. В данных районах продвинутые противники будут прибегать к асимметричным возможностям, таким как ведение электромагнитной и кибервойны, применение баллистических и крылатых ракет, усовершенствованная система воздушной обороны, минирование и другие методы, для того, чтобы усложнить наши операционные расчеты. Такие государства, как Китай и Иран, будут продолжать прибегать к асимметричным средствам для сдерживания наших возможностей проецировать силу, в то время как распространение усовершенствованных видов вооружений и технологии будет распространяться также и на негосударственные акторы (Department of Defense, 2012).

Другой государственный документ, который отображает стратегическую линию Вашингтона по отношению к региону и к Китаю, это документ Министерства Обороны США под названием «Доклад Индо-Тихоокеанской стратегии: готовность, партнерство и продвижение сетевого региона» от 1 июня 2019 г. Документ в целом формулирует общую стратегическую линию Вашингтона по отношению к региону, в двух ключевых областях – военном и дипломатическо-институциональном. Документ определяет Китай как государство-ревизионист, в частности подчеркивается, что Китай стремится к гегемонии в Индо-Тихоокеанском регионе на среднесрочную перспективу, а также к глобальному доминированию на долгосрочную перспективу (The Department of Defense, 2019).

Основная характеристика военной стратегии Китая, согласно документу, это A2/AD, основной задачей которого выступает ограничение и подрыв действия вражеских сил в районах, близких к Китаю в территориально-географическом отношении. Как пример указывается размещение Китаем антикорабельных ракет и ракет

дальнего радиуса действия класса «земля-воздух» на спорных островах Сенкаку/ Дяоюйдао, а также патрулирование островов в Восточно-Китайском море средствами морского патруля и военной авиацией. Согласно официальной позиции США, это является нарушением национального суверенитета, свободных торговых передвижений и данные действия подрывают региональную стабильность.

В целом доклад идентифицирует три основных вызова в системе региональной безопасности, куда относятся Китай, Россия и КНДР. Китай классифицируется как сила, которая способна изменить и трансформировать (где-то военными средствами, где-то геоэкономическими мерами) региональный порядок (The Department of Defense, 2019). Россия не выделяется как центральное звено системы региональной безопасности, но кризис европейской системы безопасности отражается и в этой части света. КНДР больше рассматривается как угроза единичного характера, т.е. которая не обладает такой комплексностью как Китай, но чей ядерный потенциал способен подорвать безопасность и процветание американских союзников.

Исходя из вышеперечисленных параметров системы региональной безопасности, доклад определяет следующие основные цели национальной стратегии:

обеспечить баланс сил в пользу США в наиболее важных регионах;

продвижение международного порядка, который в большей степени будет соответствовать безопасности и процветанию США.

В документе подчеркивается, что Минобороны США не выработало соответствующую стратегию, а также качество и количество ВС США в регионе, для противодействия давлению со стороны Китая и России. Касательно выработываемой военной стратегии отмечаются следующие особенности: «Негативный сдвиг в региональном балансе сил может побудить конкурентов бросить вызов свободному и открытому порядку, который поддерживает процветание и безопасность США, их союзников и партнеров и подорвать их. Чтобы справиться с этой проблемой, Министерство обороны разрабатывает более смертоносные, устойчивые и быстро внедряющиеся инновации в Объединенные силы и расширяет сотрудничество с надежной группировкой союзников и партнеров» (The Department of Defense, 2019).

Как отмечают специалисты РСМД, американское военное строительство вновь начинает ориентироваться на стратегические условия со-

перничества держав. Возрождение России и геополитический подъем Китая, как внешнеполитический фактор, стали определять стратегическое видение и военное планирование США с середины 2010-ых гг.

С другой стороны, ядерный фактор в период «однополярного момента» не играл существенной роли в системе международной безопасности, и в большей степени ядерная безопасность была институциональным форматом контроля над стратегическими вооружениями. Но с возвращением периода политики держав и тенденции становления многополярной системы ядерное оружие вновь стало «применяться» как средство военно-стратегического воздействия. Разумеется, применение стратегических ядерных вооружений остается маловероятным сценарием, но, тем не менее, отмечается рост значимости системы ядерных вооружений на глобальном уровне.

Как отмечают аналитики из РСМД, действия США по выходу из Договора о ракетах меньшей и средней дальности в большей степени продиктованы азиатским вектором американской политики, что вынуждает Вашингтон к адаптации своих вооруженных сил к специфике противодействия росту ракетно-ядерных сил НОАК и расширенных возможностей ВМФ НОАК: «Развертывание такого рода вооружений на Тихоокеанской сцене, так же как и наращивание противоракетных систем на американских военных кораблях и в Японии, рассматривается в Соединенных Штатах как механизмы оказания дополнительного давления на КНР (Истомин, 2019). В целом, американские официальные документы подчеркивают необходимость смены парадигмы в концепциях ядерных сил, а также необходимости адаптации вооруженных сил к новым стратегическим реалиям. ДРСМД как международный институт создал такую ситуацию, при которой силы и средства (разработка и тестирование) России и США ракет меньшей и средней дальности были под юридическим запретом, давая Китаю возможность спокойно развивать данный класс ракет. Так, Китай имеет значительное количество баллистических ракет средней и меньшей дальности: 11 устаревших DF-4 и 88 новых грунтово-мобильных DF-15, DF-15A, DF-15B и DF-11A. Парк китайских ракет средней и меньшей дальности состоит приблизительно из 55 ракет «Дунфэн-21» с дальностью полета 2100 км (Баклицкий, 2019).

Многие эксперты и аналитики отмечают формирование последней тенденции, которая вписыв-

вается в парадигму становления многополярной системы. Так, американское военное планирование на рубеже конца 10-ых гг. возвращается на уровень противостояния держав (power competition), и преимущественно американское военное планирование уже строится с учетом специфики противостояния с Китаем и Россией. Поэтому, несмотря на официально декларируемую риторику об отсутствии стремления США сдерживать Китай, стратегия Вашингтона в АТР в любом случае может восприниматься как часть политики или проявления политики противостояния держав. Так, в докладе Обзора Ядерной Стратегии от 2018 г. отмечается специфика политики противостояния держав. Ядерное оружие и его стратегическое, т.е. военное, и институциональное значение может служить тому примером. Так, при администрации Обамы (исторический отрезок позднего «однополярного момента») ядерное оружие играло институциональную роль, т.е. наличие ядерного оружия исключительно рассматривалось как политико-символический статус, что исключительно выражалось в его институциональной сущности или специфике для системы международной безопасности. Главным достижением президентства Обамы в этом направлении стало подписание с Россией Договора СНВ-3 и продвижение инициативы безъядерного мира. Конечно, немаловажную роль здесь сыграл и технологический фактор, эволюция ядерных сил, где существенным образом возросла роль тактических ядерных вооружений, но уже в новых стратегических условиях. Наиболее ясное выражение в перемене американского стратегического мышления можно найти в Обзоре Ядерной Стратегии от 2018 г., периода президентства Трампа, а также в официальных данных и высказываниях американских официальных лиц касательно стратегии в АТР/Индо-Тихоокеанском регионе. Так, в документе по ядерной стратегии от 2018 г. подчеркиваются такие важные составляющие ядерной доктрины, как приоритет сохранности гибкой и способной ядерной триады, и необходимость поддержки в составе ядерной сил таких элементов триады, как стратегические бомбардировщики, АПЛ и ракеты наземного базирования. Также в доктрине подчеркивается необходимость развивать средства КРМБ (крылатые ракеты морского базирования). В докладе отмечается, что данный класс ракет потерял свою актуальность при администрации Обамы, но в силу изменяющихся геополитических реалий данный класс ракет вновь занял одно из центральных положений в американском военном планировании (Evans,

2019). Поэтому, как ссылаются авторы доклада, необходимость в возрождении и развитии КРМБ выросла на фоне дипломатических трений и усиления военного противостояния с Россией и Китаем. Также развитие средств ракет меньшей и средней дальности и крылатых ракет вписывается в парадигму американской стратегии по военному строительству в АТР для сдерживания Китая.

В целом, исходя из стратегической линии, можно отметить, что ядерная стратегия США в период формируемой многополярности вновь ориентируется на политику противостояния держав (Evans, 2019). Поэтому, нарративы, заданные в ядерной стратегии от 2018 г., в большей степени направлены на усиление ядерного компонента, и по этой причине ядерное оружие вновь возвращается к роли сдерживающего фактора, в рамках мировой политики и дипломатии.

Важной составляющей частью региональной стратегии играет фактор «тирании расстояния» (Verteau, 2012) и плюс географические особенности региона, которые оказывают косвенное влияние на специфику вырабатываемой военной стратегии. Так, аналитик из Национального Бюро Азиатских Исследований Даниэль Блюменталь отмечает фактор «command of the commons» в контексте военно-стратегических условий АТР (Blumental, 2012). В данном случае, слово «commons» можно перевести как «общинная земля», но в контексте исследуемой темы слово в своем смысловом субстрате больше тождественно понятию «domains», что означает ресурсы либо сферы, т.е. субъект с пространственным геофизическим значением. Поэтому многие американские аналитики уделяют немаловажное значение фактору расстояния в рамках разрабатываемой стратегии. Данная концепция исходит из идей Бэрри Поуэна, которая выражается в том, что США или любая другая страна, которая стремится к доминированию, должна обеспечить себе доступ к обширному использованию таких сфер, как море, космическое пространство и воздушное пространство. Для достижения полноценного военного доминирования США должны получить обширный контроль над этими ресурсами, а также США должны сдерживать другие государства от доступа к данным ресурсам (Posen, 2006). Поэтому американская стратегия в АТР с учетом данной геофизической специфики региона должна ориентироваться на данные стратегические основы.

Исходя из доктрины контроля над сферами/ресурсами, американские аналитики стали делать упор на разработку стратегии «Air-to-Sea

Battle» (воздушного и морского боя). Концепция Air-to-sea Battle включает в себя ряд особенностей, среди которых можно выделить: контроль над воздухом, морем, космическим пространством, а также киберпространство. В целом, в американской стратегической литературе отмечается упор на модернизацию военно-воздушных и военно-морских сил. В рамках стратегии адаптации вооруженных сил США учитывается и ядерный фактор, который стал играть одну из ключевых ролей, поэтому, с одной стороны, не вызывает удивления тот факт, что многие эксперты и официальные лица выражают озабоченность по поводу роста ядерных вооружений в формировании политического курса ведущих государств.

Мы не будем рассматривать все аспекты военной модернизации США, а больше сосредоточимся на основных моментах. Главной стратегической задачей США, в плане военного планирования, в рамках современной стратегии является военное сдерживание Китая. Американские аналитики отмечают, что китайская военно-стратегическая доктрина, в ее обширном понимании военных, стратегических, технологических и иных аспектов строится на учете опыта Тайваньского кризиса 1996 г. Отличительной особенностью современного роста военной мощи Китая стало то, что, с одной стороны, Китай нарастил свои способности проецировать влияние, но в то же время, китайская стратегия заключается в том, чтобы сдерживать проецирование США своего влияния в своих территориальных водах. Вышеупомянутая концепция Air-to-Sea Battle учитывает данные трансформации. Для поиска на вызов со стороны роста военной мощи Китая официальные лица из Вашингтона отмечают о стратегической необходимости роста до 60% военных сил ВМФ США в регионе к 2020 г. (Hagel, 2013).

Учитывая стратегические условия региона, и прежде всего географический, который оказал влияние на формирование концепта Air-to-Sea Battle, можно указать, что приоритетом США является наращивание военно-морских сил, которые будут действовать в регионе для сдерживания военной активности Китая, в контексте различных операций. Так, Вашингтон намерен довести общее количество кораблей в зоне действия Индо-Тихоокеанского региона до 355 единиц (Истомин, 2019). Также США намерены увеличить количество подводных лодок различных классов, которые несут оперативное дежурство. Подводные лодки будут оснащены штурмовы-

ми, управляемыми и баллистическими ракетами, на таких классах подводных лодок как Лос-Анджелес, Морской волк и класса Вирджиния (The Department of Defense, 2019). Помимо всего прочего, сдерживание Китая также включает в себя и ядерный компонент, Ядерная стратегия также входит в военное измерение Индо-Тихоокеанского региона. Здесь, ядерное измерение доктрины совпадает с качественной трансформацией стратегических ядерных вооружений. Здесь, новая парадигма военно-стратегического сдерживания Китая будет основываться на упоре на тактические ядерные вооружения, т.е. приоритет будет делаться на тактические крылатые ракеты, ракеты меньшей и средней дальности, а также нового класса гиперзвуковых ракет. При этом, по мнению ряда аналитиков, распад и деградация ДРСМД стали продуктом модернизации ядерных сил НОАК, которые проводят всестороннюю модернизацию своего ядерного потенциала. Поэтому, стратегические ядерные силы остаются объектом переговорного процесса между США и Россией в рамках СНВ-3, как институциональный механизм, но при этом новые виды ядерных вооружений стали играть видную роль в развертываемой системе региональной безопасности.

Выход США из ДРСМД, как отмечалось выше, продиктован новыми условиями безопасности в АТР. Развитие и интеграция наземно-морских средств доставки ядерных вооружений, а именно ракет меньшей и средней дальности, вписывается в данную стратегию. В связи с выходом США из ДРСМД Вашингтон обеспечил себе свободу действия в плане развития полноценных средств и мер стратегического сдерживания Китая и его растущей военной мощи. Так, исходя из американской стратегической литературы, можно понять, что США развивают интеграционную структуру по сдерживанию Китая в рамках концепций Air-to-Sea Battle и размещение противоракетной обороны, а также ракет меньшей и средней дальности. Но, несмотря на усилия Вашингтона, американская стратегия сталкивается с рядом трудностей, в особенности нежелания соседей Китая, и в тоже время союзников и партнеров США, по установке данных ракет у себя в странах, что вызовет ответную реакцию со стороны Пекина (Баклицкий, 2019).

Основной техникой вопрос касательно военного измерения стратегии Индо-Тихоокеанского региона заключается в плоскости его прямого применения. Так, китайская сторона утверждает, что действия США по наращиванию своего военного присутствия в регионе подрыва-

вают региональную стабильность и являются актом прямого сдерживания Китая. Официальные источники из Вашингтона, разумеется, отвергают данные доводы Пекина, но, тем не менее, военное строительство в регионе остается одним из основных приоритетов Вашингтона. Стоит понимать, что военная сила, как элемент национальной силы, здесь, в рамках развертываемой стратегии Индо-Тихоокеанского региона является институциональным механизмом, т.е. играет скорее символическую роль. Принимая во внимание уровень экономической взаимозависимости региона, то вероятность крупномасштабной войны маловероятна, ограничиваясь исключительно локальными конфликтами и стычками. Поэтому, в современной стратегической литературе конфликты рассматриваются как часть общей дипломатической стратегии (Burler, 2007). Исходя из данных соображений, можно отметить, что «применение» военной силы, скорее всего, будет ограничено дипломатической стратегией противостоящих сторон. Системность военной модернизации ВС США необходима не для войны с Китаем, а для оказания морально-психологической поддержки союзников и партнеров США, но при этом не стоит забывать, что при уходе США как регионального участника, региональная политика будет вестись по логике дилеммы безопасности и соперничества региональных игроков.

Китайский ответ на стратегию США в ИТР

Сейчас основная внешнеполитическая дилемма в Восточной Азии или в Индо-Тихоокеанском регионе развивается по двум направлениям. Первое направление включает в себя классический подход, основанный на двухсторонних отношениях, и второе направление – это доминирование институционального подхода в системе межгосударственных отношений. Китайско-американское соперничество теперь лежит в основе системы региональной безопасности.

Китайская стратегия в ИТР, в отличие от американской концепции, не отличается какой-либо системностью. Разумеется, Пекин обладает полноценным и стратегическим видением региональной политики, где вопросы региональной безопасности тесно связаны с внешнеполитическими устремлениями Пекина как ведущей региональной силы, которая находится в стадии преобразования в сверхдержаву. Особенность американской региональной стратегии заключается в том, что она обладает четко выраженным институциональным подходом и формирует с собой региональный каркас (Кортунов,

2018). Даже несмотря на то, что администрация Д. Трампа отказалась от институциональных механизмов в рамках региональной стратегии, в любом случае прослеживается определенная институциональная структура, которая «делегирует» ряд полномочий тем или иным странам в рамках стратегии сдерживания Китая.

Китай, как таковой, не обладает четко выраженной или официально оформленной региональной стратегией, в отличие от США. Последние китайские внешнеполитические доктрины, отличаются общей декларативностью, и в целом нацелены на общий концепт внешней политики, нежели чем на конкретную и ясную тематику. Сейчас, в китайской внешнеполитической доктрине доминирует концепция «Сообщества единой судьбы», но данная доктрина не очерчивает конкретные грани стратегических устремлений КНР, отмечая общие принципы международной солидарности и развития. Наоборот, в американской стратегии «Ремонтирования» от 2012 г. были четко подчеркнуты региональные проблемы и необходимость поиска коллективного решения. Стратегия «Ремонтирования» и последующая стратегия свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона ясно разделяют три сферы стратегического партнерства: военная, институциональная и экономическая. Поэтому, в рамках своей региональной стратегии Китай сохранит приоритет в развитии формата двухсторонних отношений.

Это в некоторой степени напоминает формат отношений «Срединного царства» с другими государствами в Восточной Азии, где Китай являлся политическим и культурным центром региона. Китай, безусловно, обладая колоссальными экономическим, демографически и военным потенциалом, уже, по сути, является региональным лидером/гегемоном. Военный потенциал НОАК способен бросить вызов любому государству региона, хотя, учитывая и экономический вес КНР, Пекин может искусно применить свои геоэкономические механизмы. Поэтому теперь становится ясно, почему Пекин отдает предпочтение двухсторонним форматам отношений. С другой стороны, это позволяет Китаю строить имидж своей внешней политики, как свободной, потому что наличие институтов или наднациональных институтов «налагает» ограничение на внешнюю политику тех стран, которые входят в какую-либо организацию. Например, НАТО, ОБСЕ и ряд других организаций подвергаются критике из-за их сугубо прозападного либо проамериканского уклона. Поэтому, сохранение двухстороннего формата отношений позволяет

Китаю позиционировать себя как государство, которое не вмешивается в дела других государств, и все это соответствует провозглашенным Пекином курсу.

Но, тем не менее, несмотря на наступательную политику Пекина в Индо-Тихоокеанском регионе, Пекин не намерен в полной степени идти на конфронтацию с США. Для политического руководства КПК придется принять и понять, что противостояние с США это надолго (Тимофеев, 2021). И усиление военной конфронтации, а также прямое военное столкновение с США ни к чему хорошему ни приведут. Поэтому, как отмечают аналитики РАНД, стратегическим объектом гегемонистской политики Китая становится не ИТР, где у него нет реальных союзников, а районы внутренней Евразии. Данная стратегическая линия получила название «поворот на Запад» (RAND, 2020). Так, еще в 2010 г., профессор Пекинского университета Ван Джиси выдвинул концепцию «Марша на Запад», которая обозначает расширение стратегического влияния Китая на Запад, т.е. в район Евразии, путем геоэкономических методов.

Китай осознает, что в значительной степени уступает Соединенным Штатам в плане развития и внедрения полноценной региональной стратегии. Так, у Китая нет реальных региональных союзников в АТР, за исключением Пакистана, который входит в стратегический треугольник Пакистан-Индия-Китай. Естественно, геополитический подъем Китая должен способствовать формированию системы макрорегиональных механизмов, которые должны противодействовать американскому влиянию, но этого не происходит, даже в АТР. С точки зрения логики политического реализма, Китай может и должен создать систему альянсов для противодействия американскому влиянию. Но этого не происходит. Китай может объединить свои усилия с Россией и Ираном, как с наиболее антиамериканскими странами. Теоретически, данные государства обладают весомым потенциалом для противодействия американскому влиянию, но, тем не менее, Китай не предпринимает данного рода действий. Этому есть ряд причин, которые лежат в основании или формируют современную систему международных отношений:

Фактор глобализации и взаимозависимости.

Нестабильность альянсов и их стратегическая ограниченность.

Внешиполитические приоритеты и перспективы КНР, трансформация наставления Дэна Сяопина в новых стратегических условиях.

Суть советско-американского глобального соперничества заключалась в том, чтобы установить свою собственную гегемонию. Гегемония в случае советско-американского соперничества означала построение такого миропорядка, при котором та или иная держава становилась центром глобальной системы, и данная стратегия в большей мере вписывалась в парадигму американской внешней политики. Сторонники реализма, а именно теории гегемонистской стабильности, утверждают, что международные институты не являются объективно действующим фактором в мировой политике, т.е. НАТО в любом случае будет проталкивать национальные интересы США, так как именно США составляют ядро данной организации. Но в случае Соединенных Штатов, международные структуры или институты являются продуктом американской гегемонии. Как утверждают некоторые эксперты, благосостояние стран Западной Европы и Восточной Азии стало возможно благодаря тому, что во время холодной войны США обеспечивали защиту стран от возможного советского вторжения, а внутренние ресурсы государств, находящихся под американским влиянием (Германия, Япония), способствовали их внутреннему процветанию и росту экономического сотрудничества, тем самым избегая дилеммы безопасности. Развитие экономики азиатских тигров стало возможным благодаря американскому военно-политическому и дипломатическому присутствию. Под международными структурами в большей степени подразумевается глобальная экономическая система, основанная на взаимозависимости и взаимосвязанности. Именно экономическая база создает систему глобальной взаимозависимости, которая и утверждает систему американской гегемонии, корни которой берут начало еще со времен холодной войны. Поэтому и США составляют ядро глобальной экономической системы, где остальные страны тесно зависимы от действия данной системы. Поэтому здесь уместно выражение Бжезинского о том, что Россия, Китай и Индия не могут организовать континентальный союз из-за фактора экономических связей с США. Конечно, возводить геоэкономику в Абсолют и отметить полностью фактор геополитики будет неправильным подходом, но суть заключается в том, что международные структуры в любом случае будут способствовать сохранению американской гегемонии, и где-то они будут иметь косвенный характер воздействия.

Другим стратегическим приоритетом ки-

тайской внешней политики может стать формирование альянсов. Особенность современного механизма баланса сил заключается в том, что он сузился исключительно до регионального уровня. С точки зрения логики классического реализма Китай должен организовать военно-политические союзы с Россией и Ираном для сдерживания США. Конечно, нельзя исключать формирование такого союза, но в случае исключительного обострения ситуации, максимум которой стала ситуация вокруг Ирана в начале 2020 г. Но, тем не менее, данный формат союзов не формируется. Этому есть ряд причин: с одной стороны, несмотря на свой геополитический подъем, Китай, как субъект глобальных экономических отношений вполне чувствует себя комфортно в современной рыночной системе, и подрыв данной системы может отразиться и на благосостоянии самого Китая. С другой стороны, Китай хотя и формируется как новый гегемон, но, тем не менее, его военно-политический потенциал в плане создания системы региональных институтов весьма слаб, в отличие от американского, европейского или российского вариантов. Если даже Китай и сможет установить свою гегемонию в Азии, то нынешний военно-политический потенциал Китая находится в зачаточном состоянии. Например, возникает логический вопрос? Почему Китай не способствует созданию системы институтов безопасности в Африке? Разумеется, здесь роль Франции и США больше в силу их исторического присутствия на континенте и выработанных связей, которые и лежат в основе системы региональных институтов безопасности. Несмотря на то, что Китай и отходит от стратегем Дэна Сяопина, внешнеполитическое руководство Пекина осознает свои лимиты, и прямое столкновение с США не сулит ничего хорошего, поэтому военно-политическое соперничество с США ограничивается исключительно Азиатско-Тихоокеанским регионом, где Китай может проецировать свою военную мощь.

С другой стороны, должен сформироваться российско-китайский стратегический альянс, который может стать ядром формируемой многополярной системы, и российская концепция «Большой Евразии» может стать базой для формирования данного альянса, предлагая альтернативу проамериканскому порядку. Но, формирование такого рода альянса также выглядит туманным. Несмотря на то, что и у России, и у Китая имеются напряженности в отношениях с США, как основным геополитическим соперни-

ком, стороны не стремятся к созданию стратегического союза. Россия, в некоторой степени опасается роста геополитического подъема Китая, который может иметь и долгосрочные последствия для безопасности самой России. Сейчас Китай заметно усиливает свое влияние в регионе Центральной Азии, что не может не беспокоить Россию, а также влияет фактор Арктики, которая становится объектом соперничества держав. Хотя у обеих стран и существуют геополитические предпосылки для альянса, тем не менее, опасения России сильны. Так, согласно некоторым западным аналитикам, после столкновений между пограничными войсками Индии и Китая в июле 2020 г. Россия отменила продажу систем С-400 Китаю (Grossman, 2020). Потенциал союзников у Китая весьма ограничен, и поэтому Китай, во-первых, не будет идти на прямое столкновение с США, и второе, это ограничивает военно-политическую институционализацию дипломатии Китая, где Китай может выступать стержневым государством вне своего родного региона. Единственное, где Пекин сумел осуществить данную стратегию, это Центральная Азия.

Как отмечают российские эксперты, в докладе от 19 съезда КПК отсутствовало упоминание таких организации, как ШОС и БРИКС, что может свидетельствовать о том, что Китай отходит от практики формирования не-западных международных структур, которые воспринимаются США как вызов глобальному статусу-кво. Поэтому, учитывая в комплексе вышеизложенные факторы, можно отметить, что Китай не будет вступать в прямое стратегическое соперничество с США. Стоит отметить, что китайские аналитические институты уделяют немаловажное внимание изучению темы истощения великих держав в исторической перспективе (Маслов, 2021). Поэтому стоит ожидать, что, скорее всего, формат и динамика китайско-американского соперничества будет весьма дозированным. Китай, в своей стратегической линии, будет избегать прямого столкновения с США. Несмотря на то, что уровень и качество китайской внешней политики вышли на новый уровень, Китай будет весьма осторожен в своих действиях, и в большей степени сосредоточится на освоении Запада, чем в прямом и радикальном утверждении в АТР.

Система региональных альянсов в контексте доктрины Индо-Тихоокеанского региона

Система региональных альянсов в рамках разрабатываемой стратегии Индо-Тихоокеанско-

го региона является центральным звеном американской внешнеполитической линии. Несмотря на то, что первоначально американская стратегия по региону воспринимается в рамках реалистической парадигмы, т.е. баланса сил и сдерживания Китая, она обладает рядом особенностей, которые не дают трактовать доктрину Индо-Тихоокеанского региона в одном ключе.

Стратегия «Ребалансирования» включает в себя три основных аспекта:

Военный, что означает модернизацию ВС США в АТР;

Институциональный, организация и внедрение региональных институтов для создания институциональной платформы для разрешения общих проблем;

Геоэкономический, привлечение экономических средств для сдерживания активности Китая и поддержки союзников и партнеров.

Тем не менее, несмотря на общую стратегическую линию по отношению к региону, в целом, и к Китаю, в частности, стратегическая политика двух администраций отличается в подходах. Администрация Обамы делала упор на формирование многосторонних региональных институтов, в то время как администрация Трампа на официальном уровне поддержала идею многосторонних институтов, однако на практике осуществлялся упор на страны, входящие в «ромб» (Истомин, 2019). При Трампе снизилась значимость институциональных форматов сотрудничества и многосторонних контактов, уступив место формату официальных встреч и двухсторонних личностных отношений (Истомин, 2017). Многосторонний институциональный формат, по мнению Трампа, мешал выработке более ясной и четкой стратегии, что только могло тормозить американскую политику в регионе. Поэтому основная политика США в период президентства Трампа двигалась по трем направлениям: геоэкономическое и дипломатическое сдерживание Китая, а также приоритет к странам «Ромба», чем многосторонним институциональным механизмам, что означает приоритет таких стран, как Индия, Япония и Австралия.

Параметры безопасности Индо-Тихоокеанского региона весьма разносторонние, при этом регион обладает незаурядной особенностью системы региональной безопасности. Регион представлен чередой прямых и косвенных конфликтов, которые обладают той или иной потенциалом эскалации, которая может подорвать региональную стабильность. Так, специфика ре-

гиональной безопасности Индо-Тихоокеанского региона определяется вопросами демаркации границ, небольшими островами и морскими границами, а также относительно небольшими вопросами. Исключение составляют только следующие конфликты, которые обладают высоким потенциалом эскалации: Индо-Пакистанский конфликт

вокруг Кашмира, Корейский полуостров и вопрос независимости Тайваня, развязывание которых могут привести к широкомасштабному конфликту. Также, по мнению ряда экспертов, в кластере безопасности Индо-Тихоокеанского региона даже небольшие конфликты могут привести к значительным последствиям (Cliff, 2020).

Таблица 1 – Активные милитаризированные диспуты в Индо-Тихоокеанском регионе

Диспут	Стороны
Кашмир	Индия, Пакистан
Корейский полуостров	Северная Корея, Южная Корея
Тайвань	Китай, Тайвань
Курильские острова/Северные территории	Япония, Россия
Острова Сенкаку/Дяююйдао и газовое месторождение в районе Восточно-Китайского моря	Китай, Япония, Тайвань
Острова Докдо/Такешима	Япония, Южная Корея
Риф Скарборо	Китай, Филиппины
Острова Спратли	Китай, Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Бруней, Тайвань
Парасельские острова	Китай, Вьетнам, Тайвань
Китайско-Индийская граница	Китай, Индия
Китайско-Бутанская граница	Китай, Бутан
Индонезийские сепаратисты, действующие из территории Папуа Новой Гвинеи	Индонезия, Папуа Новая Гвинея
Повстанцы, действующие на территории Мьянмы, из территории Бангладеша	Мьянма, Бангладеш
Повстанцы, действующие на территории Мьянмы, из территории, из территории Таиланда	Мьянма, Таиланд
Камбоджийско-Тайская граница	Камбоджа, Таиланд
Индонезийско-Малазийская морская граница в Сулавеси	Индонезия, Малайзия
Индонезийско-Китайская морская граница в районе островов Натуна	Индонезия, Китай

Источник: A New U.S. Strategy for the Indo-Pacific. By Roger Cliff. P. 70

Доклад Национального Бюро Азиатских Исследований «Новая стратегия США для Индо-Тихоокеанского региона» дает четкую методологическую формулу для понимания и динамики развития конфликтов, в рамках специфики региональной безопасности. В докладе отмечается, что с учетом специфики двух стран и обстоятельств в условиях, при которых возникают войны, вероятность возникновения войны включает фактор, когда относительная мощь двух стран находится на уровне паритета, или смещается к паритету. Или когда один член пары является союзником. В тоже время, с другой стороны, войны между двумя странами маловероятны,

когда они представляют с собой продвинутые экономики и зрелые демократии (Geller, Singer, 1998).

Американскую стратегию в рамках доктрины свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона можно рассматривать не только в ключе реалистической или неолиберальной парадигмы международных отношений, но и в плане глобальной политэкономии. Экономический потенциал АТР весьма высок, и в случае усиления геополитической нестабильности, а также роста эскалации конфликтов в регионе это может привести к широким последствиям для международной экономической системы, а

точнее для Западного вельфайра, поэтому стратегические императивы США складываются в стремлениях сохранения не гегемонистского порядка, политэкономической системы, которая является частью глобального американского порядка. Разрыв экономических связей может иметь долгосрочные последствия как для региона, так и для мира, поэтому закономерен рост американского внимания к региону. То есть, линия приоритетов США в рамках доктрины «Ремонтирования» и свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона выстраивается в двух направлениях: первое – это логика сохранения гегемонии, которая вынуждает США реагировать на Китай, и в рамках парадигмы политического реализма, это вполне естественное и нормальное поведение сверхдержавы; второе – это стремление обезопасить глобальную политико-экономическую модель в условиях глобализации. Здесь, уместно будет отметить критику работы Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории». Основная ошибка знаменитого американского ученого заключается в том, что он приписал автоматическое внедрение западных политических институтов и социальную эволюцию незападным обществам, по чисто западным стандартам, после окончания холодной войны. Это показывает утверждение рыночных механизмов и рыночной экономики, но при этом политические институты незападных обществ сохранили свою инклюзивность, что непременно повлияло на сохранение геополитического мышления и затормозило глобальный «конец истории».

Поэтому, в американской стратегии свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона прослеживается четкая и логическая взаимосвязь между приоритетами демократизации и сохранности паттернов глобализованного мира. Также по этой причине доктрина напрямую не ставит меры военного противодействия, а прибегает к гибким институциональным подходам, в плане региональной безопасности.

Аккумуляция Китаем значительного военного потенциала и затем преобразование внешней политики привело к формированию дилеммы безопасности в Восточной Азии, и в целом в АТР. В обширном Индо-Тихоокеанском регионе существуют ряд конфликтов с потенциалом широкой эскалации с глубочайшими стратегическими последствиями. Так, конфликтный потенциал Китая и Японии в силу исторических особенностей и геополитической специфики обладает широким потенциалом эскалации. В данном потенциальном конфликте возникает стра-

тегический треугольник Япония-США-КНР, где для Японии вопросы безопасности носят перманентный характер, а для США – институциональный. Региональная стратегия Японии по сдерживанию Китая сводится к мерам военного и дипломатического характера. Япония и США ведут переговоры по установке на операционной основе американских ракет средней дальности. Так, в октябре 2019 г. обе стороны обсуждали вопросы размещения ракет средней дальности в ходе визита бывшего министра обороны США Марка Эспера в Токио. Помимо этого, Япония разрабатывает собственные ракеты средней дальности (2 000 км), которые смогут сбивать цели на территории Северной Кореи и значительной части Китая. На дипломатическом уровне, Япония поставила своим приоритетом усиление политики по направлению к АСЕАН. Так, в 2016 г., Япония поддержала вьетнамское видение поддержки усилий АСЕАН по соблюдению принципов международного права, в отношении морских районов и воздушного пространства, а также мер по выполнению различных спасательных операций. Японские инициативы включают в себя формат двух- и многосторонних инициатив, обучение, посещение стран региона японскими военно-морскими кораблями и авиацией и технологическое сотрудничество. Также Япония наращивает свое стратегическое партнерство с Индией, которое включает в себя ежегодные встречи министров обороны, выполнение совместных учений между военными и представителями береговой охраны, усиление военного сотрудничества и обмена информацией. К тому же, Япония профинансировала строительство инфраструктуры в Северо-восточной Индии, где другие страны в силу политической специфики отказывались от участия в проекте (Cliff, 2020).

Аналогичная ситуация сложилась и вокруг Индии, где существует стратегический треугольник Пакистан-Индия-Китай. Индия обладает территориальными спорами с Китаем и Пакистаном, а также Китай расширяет свое влияние в Индийском океане. Военные характеристики стратегического треугольника выражаются в следующих действиях: Индия и Пакистан ведут соперничество из-за Кашмира, две страны являются обладателями ядерного оружия, Китай оказывает дипломатическую поддержку Пакистану, и на рубеже 2010-х гг. Китай значительным образом модернизировал свои вооруженные силы, которые влияют на стратегический баланс в регионе. Так, согласно индийским источникам, Китай модернизирует военную инфраструктуру

в Гималаях, а также размещает ракеты средней дальности, которые охватывают значительную часть Индии. Также Нью-Дели беспокоит активность ВМФ НОАК в водах Индийского океана, где Китай стремится развить достаточную и продвинутую инфраструктуру транспортно-логистических коммуникаций в обход Малаккского пролива (RAND, 2018). Помимо этого, Индию не может не беспокоить активность ВМФ НОАК, и модернизация ядерных сил Пакистана, что нарушает стратегический баланс. Поэтому, в период правления Нарендры Моди, Индия усилила стратегическое партнерство с США, что преобразовывает стратегический треугольник в четырехугольник. Наиболее выразительным является активное участие Индии в совместных военных учениях с флотом США и Японии.

Основной спектр национальной безопасности Индии на данный момент преимущественно сосредоточен на Китае и возможном сдерживании Китая. Так, стратегия Нью-Дели ориентируется на усиление дипломатических контактов со странами Индо-Тихоокеанского региона, такими как Япония, Австралия, Индонезия и Вьетнам. С военной точки зрения, Индия модернизирует свою военную инфраструктуру в районе северо-восточной границы с Китаем, а также ставит приоритетом усиление военного присутствия в регионе Индийского океана. Стратегическая значимость Индии лежит в плоскости к доступу в Индийский океан, где проходят основные транспортно-логистические коммуникации Китая, поэтому, обладая таким преимуществом, индийская стратегическая концепция полностью вписывается в рамках стратегии Индо-Тихоокеанского региона (Cliff, 2020). В районе Индийского океана складывается чистый механизм баланса сил, где Индия окружена Пакистаном, Шри-Ланкой и Мьянмой, странами, которые признают стратегическое партнерство с Китаем. Тем, более нельзя исключать даже возрастающую значимость Индийского океана в рамках морского Пояса и Пути, что делает регион значимым в глазах стратегического восприятия Пекина, поэтому, исходя из данной точки зрения, можно утверждать, что существует стратегический перевес по направлению к Индии и региону Индийского океана. Нельзя исключать такого варианта, что Китай не будет стремиться к прямому военному столкновению в АТР, но при этом будет тщательно оберегать линии коммуникации в регионе Индийского океана.

Конфликт на Корейском полуострове также вписывается в потенциал стратегического

треугольника. Так, как отмечают американские специалисты, Пекин ставит своим приоритетом сохранение за КНДР статуса буферного государства, даже в случае коллапса режима. КНДР не является прямым объектом китайско-американского соперничества, но, тем не менее, сохранение и выживание государственности КНДР лежит в плоскости китайско-американского соперничества. Военная сила НОАК не является здесь прямым триггером региональной конфронтации, это выполняет ядерный потенциал КНДР, но значимость конфликта на полуострове сохраняет его стратегический потенциал.

В целом, теперь ясно, почему администрация Д. Трампа в реализации своей региональной стратегии опиралась на страны «Ромба», которые в силу своего потенциала способны выстоять против китайского давления, в то время как страны АСЕАН будут в большей степени балансировать, и чьи действия ограничены потенциалом самих стран. Фигурная идентичность важна для понимания действия механизмов системы региональной безопасности. В докладе «Новая стратегия США для Индо-Тихоокеанского региона» классифицируются следующие особенности конфликтного потенциала региона:

Страна была создана правящим режимом, который пришел путем насилия;

Страна находится в процессе демократизации;

Страна высоко милитаризирована. Как показатель высокий уровень личного военного персонала на общую численность населения или расходы на оборону от числа ВВП;

Страна является региональной державой;

Страна является региональной державой, которая переживает трансформацию в состояние сверхдержавы;

Страна граничит со страной, находящимися в состоянии войны;

Страна обладает большим количеством границ;

Страна обладает большим количеством союзников (Cliff, 2020).

Вышеперечисленные особенности, безусловно, относятся к специфике региона, и отмечают явные технические характеристики региона. Поэтому параметры военной безопасности Индо-Тихоокеанского региона будут доминировать в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Динамика системы региональной безопасности в большей степени будет формироваться такими факторами, как китайско-американский стратегический диалог; состояние в стратегическом

треугольнике Япония-Китай-США, стратегическом треугольнике Пакистан-Индия-Китай, и на Корейском полуострове. Основным вопросом будет заключаться в мерах по применению вооруженных сил для формирования региональной политики, насколько применимость, осознанная либо спонтанная, вооруженных сил и даже ядерных вооружений может повлиять на состояние региональной безопасности.

В рамках вырабатываемой региональной стратегии нельзя утверждать исключительно о доминировании какого-либо единственного подхода. Так, американская стратегическая линия в период президентства Трампа формировалась под влиянием субъективного видения и приоритетов главы Белого дома, которая больше подходила под реалистическую парадигму международных отношений. Нельзя исключать того, что после начала президентства Байдена формат стратегического диалога вновь вернется к периоду президентства Обамы, где демократическая администрация продвигала многосторонний институциональный подход, который будет выражаться в большей дипломатической гибкости и стремлении инициатора, т.е. США намерены выработать поистине институциональную модель стратегического диалога в регионе.

Заключение

Таким образом, Китай в большей степени приветствовал избрание президентом США Байдена. Избрание Байдена на пост президента США в большей степени отвечает интересам Китая. Хотя и демократическая администрация продолжит стратегическую линию по сдерживанию Китая, стратегия Байдена в отличие от своего предыдущего однопартийца Обамы уже носит глобальный характер. Стратегия демократической администрации Байдена отличается дипломатической гибкостью, данная характеристика дает Китаю определенное пространство для маневра. Поэтому Китай приветствовал избрание Байдена президентом США.

Вашингтон отходит от жесткой риторики, и намеревается принять стратегию вовлечения Китая, в то время как для Пекина институциональная площадка американской стратегии открывает поле для маневров, где Китай будет действовать свободно в отличие от периода правления Трампа. Исходя из вышеизложенных мыслей и опасения того, что Китай может уже столкнуться с геополитическим истощением, поэтому внешнеполитическая стратегия Пеки-

на не будет обладать какими-либо наступательными особенностями. Безусловно, Китай будет рассматривать Восточную Азию, и обширный Индо-Тихоокеанский регион как сферу своего стратегического влияния, но, тем не менее, существуют опасения по поводу вовлеченности в долгий конфликт с Соединенными Штатами. Исходя из данной точки зрения, можно отметить, что стратегической целью Китая будет являться избегание прямого столкновения с США.

Американская стратегия по сдерживанию Китая приобретает глобальные черты. Если в период президентства Обамы стратегия «Ребалансирования» задумывалась как региональная платформа, то сейчас в период позднего президентства Трампа и начала Байдена формат китайско-американских отношений окончательно принял форму стратегического соперничества и уже распространяется на весь земной шар (Тимофеев, 2020). Так, Турция может быть привлечена для сдерживания Китая в рамках новой американской стратегии. Хотя и администрация Байдена относится к политической персоне Эрдогана весьма скептически, тем не менее, Турция может стать одним из компонентов сдерживания Китая в Центральной Азии (Садыхзаде, 2021).

Конечно, здесь также играет немаловажную роль и фактор общей стратегической ситуации, в которой находится современная система международных отношений. В теоретическом плане международная система, или распределение баланса сил, в том числе и материального, в 1990-х и 2000-х гг. была сосредоточена в США период, который обозначается как «однополярный момент». Сейчас же произошло смещение и увеличение материальных возможностей других держав, которые начали проецировать свое влияние. Геополитическая особенность периода однополярной гегемонии США заключается в том, что в международной системе доминировали институты, или проамериканские международные структуры: США выстраивали институты и режимы проамериканского доминирования, не представляя экзистенциальную угрозу другим великим державам. Нынешняя система, несмотря на глобализацию, делает большой крен в сторону многополярности, поэтому так возрос фактор военно-политических отношений в системе международных отношений. Сама многополярность влияет на усиление полярности и соответствующего проецирования государствами своего влияния.

Исходя из вышеизложенных идей, стоит отметить, что Китай, хотя и расширил свой потен-

циал, но, тем не менее, скорее всего, китайское политическое руководство испытывает ряд сомнений. Нельзя исключать того, что в период правления Си Цзиньпина Китай провел тест своих расширяющихся геополитических возможностей, и по этой причине Китай не намерен активно участвовать в военно-политическом противостоянии США. Если рассуждать терминами геополитики, то Китай будет становиться континентальной евразийской державой, целью которой будет проецирование своего влияния на Евразию посредством геоэкономических механизмов и возможного институционального строительства. Скорее всего, политическое руководство Китая учитывает, что прямое соперничество с США и его союзниками, прежде всего Индией и Японией, в АТР приведет к истощению Китая, поэтому объектом китайско-американского соперничества могут стать сферы торговли, технологий, международных институтов, прав человека и т.д. Хотя среди западных аналитиков и существует твердое убеждение того, что к рубежу 2030-х гг. НОАК станет качественной армией новой технологической эпохи, тем не менее, военная мощь Китая, скорее всего, будет ограничиваться техническими функциями, демонстрацией силы в контексте более широкой региональной стратегии.

В целом учитывая стратегические особенности Азиатско-Тихоокеанского региона, можно

отметить, что для Китая возникает ряд сложностей. Хотя Китай по своему геополитическому потенциалу и достиг уровня гегемона, проецирование китайского влияния, сталкивается с рядом проблем, где США, в рамках провозглашенной доктрины Индо-Тихоокеанского региона, намерены сдерживать Китай. США развернули связанную дипломатическую стратегию, направленную на создание системы альянсов против растущего Китая. Китай, как гегемон не может предложить альтернативный миропорядок, так как его позиция по ключевым вопросам в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях противоречат позиции его соседей.

Принимая во внимание сложившийся баланс сил, АТР скорее всего станет зоной противостояния между Китаем и США и его союзниками. В целом региональная геополитика будет формироваться в рамках китайско-американского соперничества, где Китай будет продвигать свои интересы через формат двухсторонних отношений, а США через создание многосторонней региональной институциональной платформы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в дополнение к соперничеству между Китаем и США в АТР ключевым объектом развития гегемонизма Китая станет Евразия, где формирование миропорядка Китая будет осуществляться с использованием механизмов инициативы «Пояс и Путь».

References

- Bayden izberet boleye gibkuyu taktiku nastupleniya na Kitay [Biden will choose more flexible tactics of attack on China] Retrieved from https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/bayden-izberet-bolee-gibkuyu-taktiku-nastupleniya-na-kitay/?sphrase_id=72640364 (In Russian)
- Berteau D., Green M. (2012) U.S. Force Posture in the Asia Pacific Region: An Independent Assessment. Center for Strategic and International Studies. Washington D.C. p.19
- China's Friends Are Few and Unreliable (n.d.) Retrieved from <https://www.rand.org/blog/2020/10/chinas-friends-are-few-and-unreliable.html>
- Cliff R. (n.d.) A New U.S. Strategy for the Indo-Pacific. Retrieved from The National Bureau of Asian Research Seattle Washington p.71
- Cliff R. A (n.d.) New U.S. Strategy for the Indo-Pacific. Retrieved from The National Bureau of Asian Research Seattle Washington p.49
- Cliff R. A (n.d.) New U.S. Strategy for the Indo-Pacific. Retrieved from The National Bureau of Asian Research Seattle Washington p.69
- Cliff R. A (n.d.) New U.S. Strategy for the Indo-Pacific. Retrieved from The National Bureau of Asian Research Seattle Washington p.54
- Geller D. and Singer J. (1998) Nations at War: A Scientific Study of International Conflict. – Cambridge: Cambridge University Press, P. 68–96.
- Green M., Hicks K., Schaus J., Cancian M. (2015) Asia-Pacific Rebalance 2025. Capabilities, Presence and Partnerships. An Independent Review of U.S. Defense Strategy in the Asia-Pacific. Center for Strategic and International Studies. Washington DC. P.16
- Hagel, “Speech At The Shangri-La Dialogue,” (2013) Retrieved from <https://china.usc.edu/chuck-hagel-%E2%80%9Cspeech-shangri-la-dialogue%E2%80%9D-june-1-2013>

Indo-Patsifika ili Soobshchestvo yedinoi sud'by? [Indo-Pacific or Community of One Destiny?] Retrieved from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoi-sudby/> (In Russian)

Krizis aziatskikh raket. Kak Kitay otreagiruyet na vykhod SSHA iz dogovora o RSMD [Asian missile crisis. How China will react to the US withdrawal from the INF Treaty] Retrieved from <https://carnegie.ru/commentary/80435> (In Russian)

Mahnken T., Evans G., Yoshihara T., Edelman E., Bianchi J. (2019) Understanding Strategic Interaction in the Second Nuclear Age // Center for Strategic and Budget Assessments. p.29

Mahnken T., Evans G., Yoshihara T., Edelman E., Bianchi J. (2019) Understanding Strategic Interaction in the Second Nuclear Age // Center for Strategic and Budget Assessments. p.31

Office of the USA Secretary of Defense Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China (2019) Retrieved from https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/1/2019_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf

Politika SSHA v Indo-Tikhookeanskom regione: posledstviya dlya Rossii: rabochaya tetrad' RSMD [US Policy in the Indo-Pacific: Implications for Russia: RIAC Workbook] № 49 /2019/ [under I.A. Istomin; chief red. I. S. Ivanov]; Russian International Affairs Council (RIAC). – M.: NP RSMD, 2019 – s.24 (In Russian)

Politika SSHA v Indo-Tikhookeanskom regione: posledstviya dlya Rossii: rabochaya tetrad' RSMD [US Policy in the Indo-Pacific: Implications for Russia: RIAC Workbook] № 49 /2019/ [under I.A. Istomin; chief red. I. S. Ivanov]; Russian International Affairs Council (RIAC). – M.: NP RSMD, 2019 – s.63 (In Russian)

Politika SSHA v Indo-Tikhookeanskom regione: posledstviya dlya Rossii: rabochaya tetrad' RSMD [US Policy in the Indo-Pacific: Implications for Russia: RIAC Workbook] № 49 /2019/ [under I.A. Istomin; chief red. I. S. Ivanov]; Russian International Affairs Council (RIAC).. – M.: NP RSMD, 2019 – s.25 (In Russian)

Politika SSHA v Indo-Tikhookeanskom regione: posledstviya dlya Rossii: rabochaya tetrad' RSMD [US Policy in the Indo-Pacific: Implications for Russia: RIAC Workbook] № 49 /2019/ [under I.A. Istomin; chief red. I. S. Ivanov]; Russian International Affairs Council (RIAC). – M.: NP RSMD, 2019 – s.14 (In Russian)

Politika SSHA v Vostochnoy Azii v period pravleniya administratsii D. Trampa [US Policy in the Indo-Pacific: Implications for Russia: RIAC Workbook] Retrieved from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-ssha-v-vostochnoy-azii-v-period-pravleniya-administratsii-d-trampa/> (In Russian)

Politsentrichnyy yadernyy mir: vyzovy i novyye vozmozhnosti [Polycentric Nuclear World: Challenges and New Opportunities] / under red. A. Arbatova, V. Dvorkina; Moscow Center of Karnegi. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2017. s. 34 (In Russian)

Posen B. (n.d.) Command of the Commons. The Military Foundation of the U.S. hegemony Retrieved from <http://web.mit.edu/SSP/people/posen/commandofthecommons.pdf>

Roger Cliff, Mark Burles, Michael S. Chase, Derek Eaton, and Kevin L. Pellpeter. Entering the Dragon's Lair: Chinese Anti-Access Strategies and Their Implications for the United States, Project Air Force, Santa Monica, CA: RAND, 2007, p. 22

Russiancouncil.ru (2020) 2020: stabil'nyye tendentsii v nestabil'nom mire [2020: stable trends in an unstable world] Retrieved from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/2020-stabilnye-tendentsii-v-destabilnom-mire/> (In Russian)

Scobell A., Burke E., Cooper C. III, Lilly S., J.R. Ohlandt C., Warner E., Williams J. China's Grand Strategy. Trends, Trajectories, and Long-Term Competition // RAND 2020 Santa Monica, Calif. p.20

Scobell A., Lin B., Shatz H., Johnson M., Hanauer L., Chase M., Cevallos A., Rasmussen I., Chan A., Strong A., Warner E., Ma L. (2018). At the Dawn of Belt and Road. China in the Developing World. Santa-Monica, Calif. RAND. ISBN: 978-0-8330-9991-4. p. 19

State Report: The Department of Defense. Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region (2019) p.8 Retrieved from <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>

State Report: The Department of Defense. Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region (2019) p.9 Retrieved from <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>

State Report: The Department of Defense. Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region p.16 (2019) Retrieved from <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>

State Report: The Department of Defense. Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region p.19 // <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>

Strategic Asia 2012-2013 (2012) China's Military Challenge // Edited by Tellis A. and Tanner T. with contribution from Blumenthal D. – Washington: The National Bureau of Asian Research. P.198

Strategic Asia 2012-2013 (2012) China's Military Challenge // Edited by Tellis A. and Tanner T. with contribution from Blumenthal D. – Washington: The National Bureau of Asian Research. P. 36

Strategic Asia 2012-2013 (2012) China's Military Challenge // Edited by Tellis A. and Tanner T. with contribution from Blumenthal D. – Washington: The National Bureau of Asian Research. P. 33

Strategic Asia 2012-2013 (2012) China's Military Challenge // Edited by Tellis A. and Tanner T. with contribution from Blumenthal D. – Washington: The National Bureau of Asian Research. p.313

Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for the 21st Century Defense. Retrieved from https://archive.defense.gov/news/defense_strategic_guidance.pdf